

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ГОБОЕМ

Наконец-то мы выбрались из леса, опутанного белыми нитками.

Мы и не предполагали, что, изуродованные, в разодранных одеждах, выбравшись, наконец, из этого леса, будем в состоянии разговаривать друг с другом, и уж более того - никак не думали, что затеем путешествие за гобоем. Дети, которые опутали лес белыми нитками, стояли в сторонке и хохотали до упаду, когда мы, как две нелепые мельницы, размахивая руками и ногами, опутанными нитками, старались освободиться от них. А потом дети куда-то исчезли, куда-то в глубину леса, и, может быть, голоса их и навели нас на мысль отправиться в путешествие за гобоем, потому что печальная песня, которую они затянули где-то в глубине леса, чистые и глубокие голоса их привели нас в завистливое настроение, которое часто испытывает старость и, не в состоянии вторить им своими хрипящими голосами, мы тут же решили отправиться на поиски гобоя и сыграть на нем где-нибудь в глубине жизни, а может быть и заработать себе на хлеб, а что, собственно, скрывать, давно уже мы шлеяемся голодные, и не то чтобы из-за лени своей, а из-за того, что сил нет построить кому-нибудь дом: строительные инструменты такие тяжелые, а силы наши уходят и уходят с каждым днем.

Вот мы и отправились в наше путешествие- путешествие к трубам земли. Не буду описывать, как мы перебирались через ручьи, встречающиеся на каждом тридцатом дыхании нашей жизни, когда мы, взвалив на плечи бревна- вернее, хворостинки, которыми погоняют скотину, ну а нам они казались столбами от забора, который некогда окружал загон для скота,- когда мы, взвалив на плечи бревна, бросали их на тот берег ручья, они падали в воду и, погрузившись в нее ровно настолько, насколько дерево может погрузиться в глубину нашего страдания, выпрыгивали на поверхность и, как чуждые существа, ненужные ручью, слабосильные наши помощники уплывали от нас и нам приходилось тащиться вверх по течению каждого ручья, чтобы обогнуть его начало. Но однажды, миновав рождение очередного ручья, мы как вкопанные остановились: все поле перед нами было истыкано круглыми отверстиями. Небольшие- туда мог войти указательный палец- дурацкие эти дырки сетью покрывали поле- как будто раньше здесь было не поле, а искусственный лес, насаженный круглыми, тщательно обструганными палочками-затычками бессмертия, которые, увы, теперь были вынуты и лежали, наваленные кучей, на телеге, медленно ползущей по далекому холму нашего замысла. И мы поняли, что попались, окончательно и бесповоротно.

Кто-то там, на поле, бился, стараясь освободить свое тело, но когда мы разглядели, что это всего лишь большая рыба, видно, выпрыгнувшая из ручья, мы успокоились. Мы успокоились и теперь возвращаемся назад. Мы возвращаемся, а земля переваривает свою равнодушную жертву. Пока она занята делом, мы можем быть спокойны. Но долго еще преследует нас образ этой сухопутной рыбы, по временам превращающейся в одного из путешественников за гобоем. -Но все таки, как хорошо,- думаем мы,- что на самом деле на поле мы не видели ни одного человека, значит и обман имеет свои законы, которые запрещают ему до бесконечности обольщать своими странностями людей. Ведь, право, как уныло было бы запутаться здесь, на земле, которая иногда принимает такие фантастические формы, что их можно принять за создания иного мира и напропалую броситься в них, надеясь ощутить- увы, то, что ощущает рыба, выброшенная на землю. Хорошо, что мы отправились путешествовать за гобоем, а если бы мы пошли просто так, без цели, уж конечно мы не пропустили бы этот феномен, эти трубы земли, и валялись бы сейчас там при последнем издыхании, пойманные и спеленутые пустотой в форме трубочек, составляющих сеть. А сеть эта- не детская забава, не опутанный белыми нитками лес, и уж конечно, не дети стояли бы в отдалении и хохотали над нами, а скорее всего никого бы не было- ни впереди, ни сзади, да и кому надо, посудите сами, слушать наши хриплые голоса, зовущие на помощь, да так тихо, что и сами мы вряд ли бы слышали друг друга.

АМ, 1971, из «Тексты из Большого чтения»